

В. В. Комиссаров

**ФУТУРИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ
И. А. ЕФРЕМОВА И БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ
В РЕАЛИЯХ НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЯ**

Побудительным мотивом к написанию данной статьи стали две работы достаточно известных и уважаемых авторов. Это обстоятельная монография литературоведа В. Л. Терехина и предисловие С. Б. Переслегина к переизданию романов Ивана Ефремова, впоследствии опубликованное и в Интернете¹. Оба автора склонны к противопоставлению творчества И. А. Ефремова и братьев Стругацких, хотя в разной степени и в различных аспектах. Однако ни в коем случае не следует полагать, что представленная статья создавалась исключительно в «полюемическом угаре». Анализируемая проблема актуальна и по иным причинам. Во-первых, И. А. Ефремов и А. Н. и Б. Н. Стругацкие на протяжении всего позднесоветского периода были лидерами отечественной научной фантастики, их произведения пользовались огромной популярностью, они являлись подлинными «властителями умов», особенно в среде советской интеллигенции, бывшей основным потребителем литературы этого жанра. Именно поэтому изучение творчества названных выше авторов, прежде всего, анализ взаимосвязей и противоречий в их футуристических проектах представляется важным с исследовательской точки зрения. Во-вторых, последние события (прежде всего — разворачивающийся мировой кризис) придали данной проблеме и существенное общественно-политическое звучание. И И. А. Ефремов, и братья Стругацкие в своих футуристических проектах писали о коммунистическом обществе, наделяя его чертами постиндуст-

© Комиссаров В. В., 2009

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ФГОУ ВПО «Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. К. Беляева». (4932) 23-58-24

риальной цивилизации. В сущности, и марксистский коммунизм и постиндустриализм возможны только при общем условии — такой степени развития производительных сил, когда материальное производство при минимуме затрат обеспечивает фактически неограниченный (в разумных пределах) уровень удовлетворения духовных и материальных потребностей. Однако в последние годы стало ясно, что так называемый постиндустриальный переход будет не легким и безболезненным, а, напротив, сопряженным с серьезными экономическими, политическими и социальными потрясениями, сравнимыми с теми, что испытывала западная цивилизация при переходе от феодализма к индустриальной цивилизации. И события мирового кризиса могут являться первыми симптомами этих трудностей. Именно так трактуют происходящее ряд авторов. Например, известнейший отечественный мыслитель А. С. Панарин подчеркивал: «Уникальность опыта нашего поколения состоит... в том, что оно присутствует при смене фаз мирового мегацикла. По-видимому, на наших глазах кончается фаза западного модерна и готова вступить в свои права новая альтернативная фаза»². С этой точкой зрения фактически солидаризируется и известный публицист Максим Калашников, который отмечает: «Наступает смертельно опасная пора: смена эпох, смена фаз развития. На смену кончающемуся индустриализму движется некая новая эра... Ясно, что системный кризис в США выльется в давно предсказанный коммунистами общемировой кризис капиталистической системы... Исторический опыт говорит, что накануне смены фаз история неминуемо взбесится. У точки перехода начинают происходить самые безумные и невероятные события... Эпидемии и климатические катаклизмы, войны и экономические кризисы, массовые психозы и катастрофы почему-то начинаются одновременно, накладываясь друг на друга и усиливаясь от такого «наложения»»³. А уже упоминавшийся Сергей Переслегин пишет: «Мы интерпретируем все это как приближение общества к постиндустриальному барьеру, и если этот барьер обладает теми же свойствами, что индустриальный и неолитический, мы обязаны предсказать вступление человечества в один из наиболее критических периодов его развития за всю его историю»⁴.

Противостояние и взаимовлияние творческих концепций И. А. Ефремова и братьев Стругацких. Наш анализ представляется разумным начать с выяснения вопроса: чем были Ефремов и братья Стругацкие по отношению друг к другу? Являлись ли они непримиримыми оппонентами, или же взаимно дополняли свое творчество? К такой постановке вопроса нас подвигла работа В. Л. Терехина, анализирующая творчество И. А. Ефремова. Исследователь посвятил целую главу рассмотрению творческого дискурса И. А. Ефремова и братьев Стругацких⁵. Несмотря на безусловный исследовательский успех, данная работа вызывает у нас ряд возражений. Недостаточное внимание исследователя к отдельным фактографическим моментам привело к определенному смещению акцентов. Фактически, В. Л. Терехин абсолютизирует творческую дискуссию И. А. Ефремова и братьев Стругацких. Складывается впечатление, что других авторов в советской фантастике 1960-х годов не было (а они были, и В. Л. Терехин многих из них называет). Например, ироничную сцену отлета и возвращения звездолетов в повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу» исследователь оценивает как «пародию на эстетику подвига во имя человечества, которая присутствовала в каждом из произведений И. А. Ефремова»⁶. Между тем, сюжет длительных межзвездных перелетов был чрезвычайно распространен в научной фантастике 1960-х, как отечественной, так и переводной. Более того, он присутствует и в ранних произведениях самих Стругацких (например, рассказ «Частные предположения», роман «Полдень. XXII век»), поэтому данную сцену из «Понедельника...» можно трактовать как самоиронию писателей. Образ увечного космонавта из повести Стругацких наталкивает на мысль о пародии на собственные произведения. Персонажи Ефремова, как правило, совершенны не только нравственно, но и физически, а покалеченные космопроходцы присутствуют в ранних рассказах Стругацких. Заставляет спорить и следующее утверждение В. Л. Терехина: «Закономерен итог творческого диалога И. А. Ефремова и братьев Стругацких: первый умер в 1972 году и после его смерти творческий потенциал последних практически иссяк. Лучшие произведения братьев Стругацких написаны в период с 1957 по 1970 год»⁷. Но именно после 1972 года появились

такие острые и злободневные произведения, как «За миллиард лет до конца света», «Пикник на обочине», трансформировавшийся затем в киносценарий «Сталкер», реализованный А. А. Тарковским, «Жук в муравейнике» и многие другие. Конечно, следует согласиться с В. Л. Терехиным в том, что герои Стругацких, в сравнении с персонажами И. А. Ефремова, становились все более приземленными. Но является ли это признаком исчерпания творческого потенциала? Скорее, напротив, это проявление новых граней писательского мастерства. Такой точки зрения, например, придерживается отечественный литературный критик В. Ревич: «Роман (речь идет о произведении Стругацких “Пикник на обочине”, созданном в год смерти И. А. Ефремова. — В. К.) интересен иным: фантастика к этому времени достигла таких высот, с которыми еще недавно могла справиться разве что психологическая проза в лучших своих образцах... Фигура главного героя “Пикника...” Шухарта выламывается из фантастики — по своей сложности, неоднозначности, сти»⁸.

Следует подчеркнуть, что отношение Стругацких к Ефремову было если не восторженным, то более чем уважительным. Борис Стругацкий впоследствии вспоминал: «Ефремов продемонстрировал нам, молодым тогда еще щенкам, какой может быть советская фантастика — даже во времена немцовых, сапаринных и охотниковых, — вопреки им и им в поношение»⁹. Более того, между писателями существовали тесные творческие контакты. Например, повесть «Трудно быть богом» И. А. Ефремов читал в рукописи и дал Стругацким ряд ценных рекомендаций. Так, именно по совету Ефремова братья-писатели изменили имя главного персонажа-протагониста с дон Рэбия (перифраз фамилии Берия) на более нейтральное — дон Рэба. И по прошествии десятилетий, когда забылась политическая сиюминутная злободневность и обнажилась философская первооснова произведения, подобная замена выглядит вполне уместной¹⁰.

В работе С. Б. Переслегина также присутствует противопоставление творчества Ефремова и Стругацких, и именно в части их футуристических воззрений. «Прямое воздействие И. Ефремова на советскую фантастику преувеличено простительной ошибкой: в большинстве критических публикаций смешива-

ются между собой две существенно различные модели коммунистического будущего, — пишет С. Б. Переслегин. — В творчестве А. и Б. Стругацких описана “галактическая империя земной нации”, построенная на классических европейских парадигмах и населенная лучшими из “шестидесятников”. И. Ефремов же рассматривал общество с принципиально иной парадигмальной структурой, иной личной и социальной психологией, что подразумевает также иную этику и эстетику текстов»¹¹. Мы не спорим с выводом данного автора о том, что миры будущего у Ефремова и у Стругацких построены на разных парадигмах. Но прямое влияние И. А. Ефремова на советскую фантастику все-таки было, что признавали даже авторы советского времени. Например, отечественный литературовед А. Ф. Бритиков еще при жизни И. А. Ефремова отмечал: «“Туманность Андромеды” появилась в интересное и противоречивое время — на волне духовного и научно-индустриального подъема середины 50-х годов, после знаменательных Съездов Партии, когда страна, подытоживая пройденный путь побед, на котором были и трагические ошибки, жила обсуждением перспектив... Люди жадно потянулись к будущему... Роман Ивана Ефремова ответил духу времени. Он стал поворотной вехой в истории советской научно-фантастической литературы»¹². Следует уточнить, что без Ефремова не появился бы и футуристический проект Стругацких. Борис Стругацкий по этому поводу вспоминал: «Мы понимали... что Ефремов создал мир, в котором живут и действуют люди специфические, небывалые еще люди, которыми мы все станем (может быть) через множество и множество веков, а значит, и не люди вовсе — модели людей... Нам же хотелось совсем другого... В конце концов мы поняли, кем надлежит заполнить этот сверкающий, но пустой мир: нашими же современниками, а точнее, лучшими из современников — нашими друзьями и близкими, чистыми, честными, добрыми людьми...»¹³

Истоки противопоставления И. А. Ефремова и братьев Стругацких. Между И. А. Ефремовым и братьями Стругацкими действительно была творческая дискуссия. Но абсолютизировать ее, переносить на личные отношения между писателями не приходится. Более того, в контексте общественно-политической ат-

мосферы 1960-х годов Ефремов и Стругацкие олицетворяли общее либерально-реформаторское направление в советской нереалистической прозе, направление, противостоявшее ортодоксальной марксистской трактовке будущего. Причем, ни Ивана Ефремова, ни братьев Стругацких нельзя считать диссидентами или антисоветчиками, они даже в самые сложные для себя времена демонстрировали лояльность властям. Но несмотря на это и у И. А. Ефремова, и у Стругацких в конце 1960-х годов отношения с политическим руководством были серьезно испорчены, причем ситуация развивалась по общему сценарию. Сначала в компетентные и директивные инстанции шли сигналы «бдительных» граждан по поводу тех или иных уже опубликованных произведений. Затем на уровне идеологических отделов ЦК принимались соответствующие решения, следовал фактический запрет «опального» произведения. Попытки авторов «искать правду» в партийных инстанциях успеха не имели. У Стругацких по этой схеме развивались проблемы, связанные со «Сказкой о тройке» в 1968 году, у И. А. Ефремова сложности начались из-за «Часа быка» в 1970-м.

Нельзя не заметить, что определенное противопоставление творчества Ефремова и Стругацких имеет внешние причины и связано с общей ситуацией в научно-фантастическом цехе. В 1970-е годы среди отечественных фантастов начинается раскол. Часть авторов объединилась в так называемую «школу Ефремова», к которой сам И. А. Ефремов не имел отношения, ибо его уже не было в живых. В свою очередь Стругацкие организовали свои семинары молодых фантастов: Аркадий Натанович был одним из руководителей московского семинара, а Борис Натанович создал свой семинар в Ленинграде. Отношения между этими направлениями были несколько натянутыми. Конечно, подавляющее большинство участников «школы Ефремова» были честными и талантливыми авторами, старавшимися избегать каких-либо интриг. Но раскол среди фантастов не развивался сам по себе, он совпал с общим размежеванием среди столичного творческого «бомонда» (Стругацкие, проживавшие в Москве и Ленинграде, конечно же, принадлежали к нему). На рубеже 1960—70-х годов оформляется такое неформальное течение, как «русская партия», провозглашавшая своей целью как национально-православное

возрождение, так и борьбу с «сионистско-диссидентским» влиянием в культуре и политике. Связующим звеном между «русской партией» и «школой Ефремова» могло быть издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» и одноименный журнал, выпускавшийся этим издательством. Именно вокруг него и группировались основные участники «русской партии», и именно данное издательство дало трибуну «школе Ефремова», регулярно печатая их сборники. Под прицелом «русской партии» оказались братья Стругацкие. Например, в 1979 году среди общественных и культурных деятелей Москвы, Ленинграда и Киева было распространено «письмо Рязанова», размноженное на ротаторе. Инициатором создания письма был Сергей Семанов, в то время — главный редактор журнала «Человек и закон»¹⁴. Авторы этого документа призывали поставить надежный заслон действиям сионистской агентуры. Среди примеров сионистско-диссидентского влияния упоминались и «известные фантасты с пахучим подтекстом братья Стругацкие» (отец писателей был этническим евреем)¹⁵. А в середине 1980-х годов один из активных участников «школы Ефремова» в завуалированной форме обвинил братьев в доносе на И. А. Ефремова, в результате которого тот стал объектом оперативной разработки КГБ, завершившейся таинственным обыском сразу после смерти писателя¹⁶. Стругацкие отрицали это резко и жестко, однако последующие политические события, связанные с распадом советской системы, притушили разгоравшийся скандал¹⁷.

Соотношение футуристических проектов И. А. Ефремова и братьев Стругацких. С. Б. Переслегин, в своем анализе творчества И. А. Ефремова, пришел к интересному выводу: мир «Туманности Андромеды» (и других футуристических произведений данного автора) не соответствует парадигме развития современного западного индустриализма. Как следует из рассмотрения временной последовательности событий в этих романах, персонажи И. А. Ефремова в течение нескольких поколений (минимум — триста лет) существуют примерно на одном уровне технологического развития, что более присуще традиционному обществу, но никак не индустриальному, в котором при жизни одного поколения может произойти не один технологический переворот. Исходя из этого С. Б. Переслегин вполне справедливо за-

ключает, что истоки футуристического проекта Ивана Ефремова следует искать в восточных религиозно-философских доктринах, например в даосизме. Не оспаривая данный вывод в целом, следует заметить, что мир будущего Ефремова имеет множество источников. С равным успехом в «Туманности Андромеды» можно усмотреть и прямые параллели с воззрениями античного социализма, а точнее, с концепцией идеального государства Платона. Здесь и общественное воспитание детей, и приоритетная роль в общественном управлении людей умственного труда (философов и ученых), и даже культ здорового и физически совершенного тела (обитателям ефремовского коммунизма, подобно античным героям, не возбраняется появляться на публике обнаженными). Конечно, у И. А. Ефремова нет какого-либо сословного деления, но и в «Туманности Андромеды» существует остров Забвения, на который попадают те, кто не «вписался» в современную ему цивилизацию и вынуждены вернуться к примитивному труду. «Припадая к лону Матери Земли в простой, монотонной деятельности древнего земледельца, рыболова или скотовода, они проводили здесь тихие годы»¹⁸. Нельзя не заметить, что как и Восток, Античность вызывала пристальное внимание писателя, что проявилось еще в его раннем рассказе «Эллинский секрет» и логично привело к последнему крупному произведению — роману «Таис Афинская». Возможно, античные истоки ефремовского футуристического проекта повлияли на своеобразный стиль, которым выражаются его персонажи. И это не результат недостаточного писательского мастерства; в ранних произведениях писателя герои говорят вполне нормально, а иногда, в состоянии аффекта, и бранятся. Высокопарность, вычурность речи, характерная, скорее, для античной трагедии и послужившая основанием едких пародий, логично укладывается в парадигму ефремовского увлечения античностью.

Помимо этого, некоторые истоки футуристического проекта И. А. Ефремова достаточно легко прослеживаются и основаны на весьма несложных аналогиях. Хорошо известно, что западный индустриальный капитализм начал свое развитие с создания транспортной инфраструктуры, почти во всех раннеиндустриальных странах наблюдался бум железнодорожного строительства. Так и мир будущего «Туманности Андромеды» начинался со

строительства Спиральной Дороги, соединившей страны и континенты, по которой с огромной скоростью движутся исполинские поезда. У этой идеи есть вполне конкретный предтеча. В 1955 году журнал «Техника — молодежи» опубликовал статью инженера Ю. Моралевича, в которой автор предлагал свой проект развития железнодорожного транспорта. Согласно ему, в скором будущем по колее шириной в четыре с половиной метра (для сравнения: современная русская колея — чуть более полутора метров, на Западе — еще меньше) колоссальные атомные локомотивы должны с огромной скоростью перемещать поезда с двухэтажными вагонами, в которых, наряду с пассажирскими местами, были бы кафетерии, кинозалы, салоны и т. д.¹⁹ Мы не знаем, была ли знакома данная публикация И. А. Ефремову²⁰, но поезда его Спиральной Дороги очень напоминают этот проект. Таким образом, образ будущего, по И. А. Ефремову, проистекал из всей советской действительности ранней «оттепели» и морально-политического состояния общества.

Анализируя различия между футуристическими проектами И. А. Ефремова и Стругацких, нельзя не обратить внимание и на условия формирования писателей. Иван Ефремов принадлежал к поколению, пережившему Гражданскую войну, НЭП, первые пятилетки. Энтузиазм той эпохи имел длительное продолжение. Многие из представителей этого поколения легко восприняли хрущевскую «оттепель», видя в ней возврат к идеалам молодости. Иное дело — братья Стругацкие. Воспитанные в годы «культы личности», пережившие ленинградскую блокаду, они получили от «оттепели» жесточайший ментальный удар. Дабы не быть голословным, предоставим слово Борису Стругацкому: «...и я, и Аркадий Натанович были настоящими сталинцами. Не ленинцами, заметьте, а именно сталинцами! Мы считали, что все происходящее — правильно, если и встречаются какие-то недостатки и неприятности — это неизбежно, не ошибается тот, кто ничего не делает. Лес рубят — щепки летят... А потом наступил Двадцатый съезд, и мне было официально объявлено, что да, действительно, большая часть этих великих людей — все-таки именно кровавые бандиты. И это был, конечно, первый страшный удар по моему самосознанию... Но вера в правоту дела социализма и коммунизма сохранялась у нас очень долго. Она постепенно таяла, растра-

чивалась на протяжении многих лет»²¹. Естественно, что Стругацкие стали искать новые идейные основы для своего мировоззрения и для своего футуристического проекта. И основы эти были найдены в либеральном западном проекте. Это подтверждает вывод С. Б. Переслегина о том, что футуристический проект братьев Стругацких основан на западной парадигме развития. Но, подчеркнем еще раз, без И. А. Ефремова, без его образа будущего не было бы и миров будущего Стругацких. Польский исследователь Войцех Кайтох подробно проанализировал футуристические проекты И. А. Ефремова и Стругацких и пришел к выводу, что они не противоречили ни официальным представлениям о коммунизме, ни друг другу²². Конечно, в отдельных деталях писатели шли дальше и глубже, и иногда их «заносило» не в ту сторону. Но эти расхождения не имели критического характера.

Следует вспомнить и некоторые обстоятельства появления «Туманности Андромеды». В середине 1950-х годов И. А. Ефремов во время длительной болезни прочитал много англоязычных фантастических произведений (видимо, на языке оригинала, так как зарубежная фантастика тогда почти не переводилась). На писателя большое впечатление произвел роман американца Эдмонда Гамильтона «Звездные короли». Впоследствии, в беседе с литературоведом А. Ф. Бритиковым, И. А. Ефремов вспоминал: «Мне нравилось мастерство сюжета: Гамильтон держит вас в напряжении от первой до последней страницы. Я видел незаурядный талант, свободно рисующий грандиозные картины звездных миров. И вместе с тем меня удивляло, у меня вызывало протест бессилие литературно одаренного фантаста вообразить мир, отличный от того, в котором он живет»²³. И ефремовский футуристический проект родился во многом исходя из полемических соображений. Таким образом, если мы проследим цепочку Э. Гамильтон — И. А. Ефремов — братья Стругацкие, то увидим в ней простейший пример гегелевской триады, где мир будущего И. А. Ефремова выступает в роли антитезиса футуристическому проекту Э. Гамильтона, западному по своей сути. А образ грядущего у Стругацких уже представляет собой некий элемент синтеза. Причем, эта схема более чем условна, ибо футуристические проекты Э. Гамильтона, И. А. Ефремова и братьев Стругацких самоценны и автономны, хотя и взаимообусловлены.

«Постиндустриальный переход» в футуристических проектах И. А. Ефремова и братьев Стругацких. Ни И. А. Ефремов, ни Стругацкие не использовали термин «постиндустриальный переход», ни тем более, не оперировали понятием постиндустриализм. Однако, как уже отмечалось, между литературно-футуристическим образом марксистского коммунизма и современными представлениями о постиндустриализме много общего. Конечно, подобное утверждение условно, ибо ни коммунизма, ни индустриализма мы «в живую» пока не видели. Но примечательно иное. Как переход к постиндустриализму представляется современным аналитикам весьма неоднозначным и сложным процессом²⁴, так и переход к коммунизму фантастам 1960-х виделся непростым. Причем, им было гораздо сложнее, нежели современным футурологам, ибо зачастую они оппонировали официальной пропаганде. Тот же И. А. Ефремов, за четыре года до третьей программы КПСС, ориентированной на форсированное строительство коммунизма, писал: «Коммунистическое общество не сразу охватывало все страны и народы. Искоренение вражды и особенно лжи... потребовало гигантских усилий. Немало совершилось ошибок и на пути развития новых человеческих отношений. Кое-где случались восстания, поднимавшиеся отсталыми приверженцами старого, которые по невежеству пытались найти в воскрешении прошлого легкие выходы из трудностей, стоявших перед человечеством»²⁵. Более того, в «Часе быка» писатель упоминает о чудовищном сражении. Предполагать, что И. А. Ефремов вел речь об одной из мировых войн XX века не приходится, ибо по сюжету произведения то столкновение вызвало такие потери, что ученым будущего приходилось восстанавливать историю той эпохи по крупитцам²⁶. Братья Стругацкие пошли еще дальше и глубже, их взгляд на сложности перехода к «светлому будущему» достаточно пессимистичен. В своей повести начала 1960-х годов «Хищные вещи века» писатели интуитивно (хочется добавить — почти мистическим способом) предугадали многие проблемы современности, а именно — политическую нестабильность, международный терроризм, криминальные войны, все более расширяющуюся эпидемию наркомании. «Уголовники, озверелое от безделья офицерье, всякая сволочь из бывших разведок и контрразведок, наскучившая однообразием

экономического шпионажа, взалкавшая власти... — пишут Стругацкие. — Пришлось... выйти из заводов и лабораторий, вернуть в строй солдат. Ладно, справились... Не успели вдоволь повосхищаться безоблачными горизонтами, как из тех же грязных подворотен истории полезли... гангстеры, гангстерские шайки, гангстерские корпорации, гангстерские империи... снова вышли из заводов и лабораторий, вернули в строй солдат — справились. Снова горизонты безоблачны... и снова из тех же подворотен потек гной. Тонны героина, цистерны опиума, моря спирта... и еще кое-что, чему пока нет названия»²⁷.

В заключение следует отметить, что и И. А. Ефремов, и братья Стругацкие в своих литературных футуристических проектах в целом предугадали основные тенденции развития, потенциальные угрозы и особенности будущего. Конечно, речь идет не о буквальном предсказании будущего, а о выявлении господствующих трендов. Несмотря на различия в восприятии отдельных аспектов, творчество И. А. Ефремова и братьев Стругацких развивалось в одинаковых общественно-политических и морально-психологических условиях — в ситуации хрущевской «оттепели», что предопределило значительное сходство сюжетов. Несмотря на различия и разночтения, не вызывает сомнения значительное влияние Ивана Ефремова на творчество Стругацких. Таким образом, можно констатировать, что футуристические проекты писателей, конечно же, были самодостаточны и самоценны, но при этом развивались в условиях сильного взаимного влияния.

Примечания

¹ Терехин В. Л. Иван Ефремов — провозвестник мультитременного асинхронного реализма // Терехин В. Л. «Против течений»: утаенные русские писатели. Типология Антинигилистического романа. Иван Ефремов — провозвестник мультитременного асинхронного реализма : статьи. М., 2002; Переслегин С. Б. Странные взрослые : (опыт социомеханического исследования фантастических романов И. Ефремова). URL: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_Efremov.htm (дата обращения 20.12.2008).

² Панарин А. С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998. С. 13.

- ³ *Калашиников М.* Крещение огнем. Звезда пленительного риска. М., 2009. С. 90, 184, 466.
- ⁴ *Лазарчук А., Переслегин С. и др.* Чайки над Кремлем. М., 2007. С. 472.
- ⁵ *Терехин В. Л.* Указ. соч. С. 164—171.
- ⁶ Там же. С. 166.
- ⁷ Там же. С. 170.
- ⁸ *Ревич Вс.* Попытка к бегству // Если : журнал фантастики и футурологии. 1996. № 6. С. 210.
- ⁹ См.: *Вишневский Б. Н.* Аркадий и Борис Стругацкие: двойная звезда. М.; СПб., 2004. С. 24.
- ¹⁰ Там же. С. 92.
- ¹¹ *Переслегин С. Б.* Указ. соч.
- ¹² *Бритиков А. Ф.* Русский советский научно-фантастический роман. Л., 1970. С. 220.
- ¹³ См.: *Вишневский Б. Н.* Указ. соч. С. 67, 71.
- ¹⁴ С. Н. Семанов сам заявил о своем участии в создании «письма Рязанова». См.: *Семанов С. Н.* Председатель КГБ Юрий Андропов. М., 2008. С. 189—190.
- ¹⁵ Там же. С. 185.
- ¹⁶ Речь идет о фантасте Ю. М. Медведеве. Во второй половине 1980-х гг. он был заведующим отделом прозы журнала «Москва». В научно-фантастической повести «Протей» Ю. М. Медведев использовал сюжет с посмертным обыском у некоего известного писателя и ученого, который Стругацкие расценили как обвинения в свой адрес. Текст выглядел так: «И увидел я тех, кто... подтолкнул подлый розыск. Двух увидел, состоящих в родстве. Один худой, желчный, точь-в-точь инквизитор. Изощренный в подлости, даже звездное небо в окуляре телескопа населявший мордобоем галактических масштабов (Б. Н. Стругацкий по специальности астроном. — *В. К.*)... Другой грузный, с зобом, как у индюка, крикун, доносчик, стравливатель всех со всеми, пьяница, представитель племени вселенских бродяг (что имел в виду автор? национальность? — *В. К.*), борзописец, беллетрист, переводчик (А. Н. Стругацкий закончил Военный институт иностранных языков. — *В. К.*). При жизни всемирно прославленного гения оба слыли его учениками...» См.: *Медведев Ю. М.* Протей // Простая тайна : сб. фантастических произведений. М., 1988. С. 4.
- ¹⁷ *Измайлов А.* Туманность : о событиях, связанных со смертью писателя И. А. Ефремова // Нева. 1990. № 5.
- ¹⁸ *Ефремов И. А.* Туманность Андромеды. Звездные корабли. М., 1965. С. 359.

- ¹⁹ Моралевич Ю. Широкая колея // Техника — молодежи. 1955. № 3. С. 19—21.
- ²⁰ С большой степенью вероятности можно предположить, что статья Ю. Моралевича И. А. Ефремову была знакома, т. к. он сотрудничал с журналом «Техника — молодежи» с 1944 года.
- ²¹ См.: Вишневский Б. Н. Указ. соч. С. 296—298.
- ²² Кайтох В. Братья Стругацкие : очерк творчества // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Бессильные мира сего : сб. Донецк, 2003. С. 457—466.
- ²³ Бритиков А. Ф. Указ. соч. С. 232.
- ²⁴ См. напр.: Переслегин С. Б. Через постиндустриальный барьер. URL: <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/zavtra/08/785/42.html> (дата обращения 20.12.2008).
- ²⁵ Ефремов И. А. Указ. соч. С. 159.
- ²⁶ Ефремов И. А. Час быка. Свердловск, 1989. С. 158.
- ²⁷ Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Хищные вещи века // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Хищные вещи века. Чрезвычайные происшествия. Полдень. XXII век : фантастические романы и рассказы. М.; СПб., 1997. С. 123—124.